

Закат осеннего дня был теплым и абсолютно красивым, но у Лу И и Цзин Шуй, находившихся внутри Цуй Сяо Су, не было никакого настроения любоваться прекрасным пейзажем. Это было потому, что спокойно лежащий на кровати человек не подавал никаких признаков того, что вскоре собирается проснуться. Лу И стояла на стрёме перед кроватью, не желая отойти ни на шаг. Через некоторое время девушка слегка шевельнулась, а потом медленно и с трудом открыла глаза.

Глядя на Мужун Шу Цин, которая наконец проснулась, Лу И с волнением схватила ее за руку, и голосом, в котором слышались сдерживаемые рыдания, произнесла: «Барышня, вы наконец-то проснулись, вы так меня напугали!»

Как только она разлепила веки, то увидела Лу И, чьи слезящиеся глаза смотрели на нее. Мужун Шу Цин озадаченно спросила: «Что случилось?»

Стоило ей открыть рот, она тут же услышала, что ее голос стал хриплым и неприятным для слуха. Мужун Шу Цин наморщила брови и захотела сесть, но вдруг почувствовала головокружение, и это заставило ее почти рухнуть на кровать, когда волна боли прокатилась по ее нервам.

Лу И поспешно помогла Мужун Шу Цин подняться, взяла подушку, на которую она могла опереться, и помогла ей сесть как следует, а потом испуганно сказала: «С тех пор как вы вернулись прошлой ночью, вы спали до сих пор. Не важно, как мы старались вас разбудить, вы просто не просыпались и до смерти нас напугали».

Прошлой ночью? Мужун Шу Цин напрягла память, и ее разум постепенно прояснился. Вчера вечером она пила с Хай Юэ, а когда вернулась, то ощущала лишь немного сладковатый запах травы. Неожиданно этот «безвкусный» напиток оказался действительно невероятным, из-за него она проспала почти сутки. Ее любовь к прохладному осеннему ветру прошлой ночью и пребывание на реке в течение целого дня действительно заставили ее простудиться. Она чувствовала, что теперь не может свободно дышать, и у нее кружилась голова от затуманенного зрения. Но, глядя на встревоженных Лу И и Цзин Шуй, Мужун Шу Цин попыталась улыбнуться и сказала им: «Я в порядке».

Зная, что она заставила себя улыбнуться, Цзин Шуй подошла к кровати с рисовым отваром и сказала шепотом: «Барышня, сначала выпейте этот отвар, лекарство уже остыло, я пойду и согрею его снова».

- Какое лекарство? - Мужун Шу Цин была озадачена.

Лу И приподняла тонкое одеяло и спрятала руки Мужун Шу Цин внутрь, а затем объяснила: «Старший молодой мастер пришел к вам сегодня рано утром. Он пытался вас разбудить, но тщетно, поэтому он встревожился и вызвал врача. Доктор сказал, что в ваше тело вторгся злой ветер, и вы простудились, поэтому выписал рецепт».

К тому же она была пьяна, но врач не мог этого знать. Когда Цзин Шуй протянула ей чашу с

отваром, Мужун Шу Цин увидела темно-красный след на ее руке. «Цзин Шуй, что случилось с твоей рукой?» - спросила она.

Цзин Шуй поспешно отдернула руку и ответила: «Ничего страшного, я была неосторожна, когда готовила лекарство и ошпарилась».

Мужун Шу Цин схватила ее за запястье и хорошенько рассмотрела рану. Такая краснота, как это может быть не страшно? Чуть позже кожа явно покроется волдырями. Тихо вздохнув, она сказала: «Ты ошпарила руку, не нужно больше хлопотать, просто позволь Лу И заняться этим, и все будет хорошо».

Лу И взяла чашу с лекарством со стола и сказала: «Да, позвольте мне сделать это».

Упрямая Цзин Шуй забрала поднос из рук Лу И, сказав: «Пустяки, я могу сходить».

Что было не так с этой девушкой, она никогда не была такой энергичной. Мужун Шу Цин как раз собиралась спросить Лу И, что происходит, когда в комнате показался высокий силуэт Ци Жуя.

Несмотря на то, что Ци Жуй был старшим братом Шу Цин, но из-за правил защиты мужчин и женщин он мог лишь подойти к ширме перед кроватью и остановился там. «Цин'эр, ты проснулась? Ты чувствуешь себя лучше?» - спросил он.

Говорить через экран было очень неловко, поэтому Мужун Шу Цин взяла Лу И за руку, чтобы та помогла ей встать. Ци Жуй смутно видел ее фигуру, которая изо всех сил пыталась встать, поэтому быстро сказал: «Просто ложись, все в порядке. Тебе нельзя быть на сквозняке». Она уже взрослая, но не может сама о себе позаботиться.

Чувствуя себя совершенно беспомощной, Мужун Шу Цин больше не пыталась встать. Она спросила из-за ширмы: «Я в порядке, зачем старший брат искал меня?»

- Ничего особенного. Завтра у дедушки по материнской линии день Рождения, и я хотел взять тебя с собой, чтобы выбрать несколько подарков.

Во время прошлых дней рождения дедушки Цин'эр всегда просила, чтобы он сопровождал ее и помог выбрать подарок. Она не упоминала об этом в этом году, но он все равно планировал взять ее собой, если бы она неожиданно не заболела.

Так вот в чем дело. Мужун Шу Цин, потихоньку массируя висок, ответила: «Не нужно, я уже приготовила».

Услышав измученный голос Мужун Шу Цин, Ци Жуй не стал задерживаться, встал и сказал: «Тогда хорошенько отдохни, а я пойду».

- Хорошо.

Ци Жуй как раз собирался выйти и встретил Цзин Шуй, которая вернулась с лекарством. Цзин Шуй увидела его и, опустив голову, сразу же отошла в сторону от двери, чтобы он мог пройти. Но Ци Жуй не уходил, а подошел к ней и с тревогой спросил: «Цзин Шуй, как твоя рука? Дай мне взглянуть».

Цзин Шуй отступила на шаг, чтобы избежать протянутой руки Ци Жуй, и сказала почтительно, но с явным отчуждением: «Спасибо за заботу молодого господина, с ничтожной слугой все в порядке».

Ее сопротивление поставило Ци Жуй в затруднительное положение, он все еще хотел что-то сказать, но Цзин Шуй не подняла головы, явно не желая продолжать с ним беседу. Чувствуя себя беспомощным, он мог только взять фарфоровую бутылку и поставить ее на поднос, который держала Цзин Шуй, а затем сказал: «Ты... не забывай втирать ее утром и вечером».

Закончив говорить, Ци Жуй не стал дожидаться, пока Цзин Шуй откажется и быстрым шагом покинул Цуй Сяо Су.

Цзин Шуй не повернула головы и некоторое время смотрела на фарфоровую бутылку. Она еще ниже опустила голову, чтобы никто не видел выражения ее лица и не мог понять, о чем она думает.

Через экран Мужун Шу Цин не могла видеть ясно, но беспокойство Ци Жуй по отношению к Цзин Шуй не было похоже на отношения хозяина и служанки. Но, к сожалению, это выглядело так, будто «у монарха была мечта, а у богини не было сердца» [1]. На самом деле они вполне подходили друг другу, но она все еще хотела посмотреть, какую степень эмоций Ци Жуй испытывал по отношению к Цзин Шуй. Но сейчас у нее не было ни моральных, ни физических сил, чтобы позаботиться об этом деле. Боль, сдавливающая ей голову, не позволяла даже просто открыть глаза.

[1] это значит, что Ци Жуй может любить Цзин Шуй, но не наоборот.

Взяв теплое лекарство из рук Цзин Шуй, Мужун Шу Цин выпила его без остатка, снова легла на кровать и очень быстро погрузилась в сон.

Лекарство и крепкий сон сделали своё дело – Мужун Шу Цин чувствовала себя получше, хотя все еще ощущала усталость, и ее дыхание по-прежнему было затруднено, но голова больше не болела. Она предприняла попытку встать, и Лу И, готовившая чай за ширмой, поспешно подошла и помогла ей сесть. Мужун Шу Цин выглянула в окно, небо было совершенно темным, и лунные лучи рассеивались по земле. «Который час?» - спросила она.

Стоило ей начать говорить, и у нее засадило в горле, и она закашлялась.

Лу И похлопывала ее по спине, облегчая ее дыхание, а потом подала чай, по ходу ответив: «Сейчас час собаки [2], старая госпожа послала служанку принести еду во время обеда, а также передала, что вернулись ваши младшие дядя с тетей. Вы еще не проснулись после приема лекарства, поэтому старая госпожа позволила вам отдохнуть как следует».

[2] отрезок времени с 7 до 9 вечера.

Выпив несколько чашек воды, Мужун Шу Цин почувствовала себя лучше. Отдав пустую чашку Лу И, она глубоко задумалась на мгновение и спросила: «М-м, все ли люди из семьи Ци сейчас здесь?»

Она не думала, что Ци Юй тоже вернется, он защищал Восточно-Китайское море в течение восьми лет и возвращался только три раза. Его можно было считать железной костью Дунъюй и преданным генералом. Его жена, Дун Жо Сюэ, на самом деле была знаменитой красавицей и воительницей одновременно. Ее техника боя была довольно экстраординарной – восьмиметровая полоска белого тонкого шелка у нее в руках могла превратиться в исключительно острое оружие и была хорошо известна среди народа Цзянху. Глядя на Ци Фэн Чжо, которая уже в очень юном возрасте была изящной и яркой, нетрудно было представить, какой красавицей была Дун Жо Сюэ.

Лу И на мгновение задумалась, а потом ответила: «Кроме старшего сына младшего дяди, Ци Фэн Хуа, который все еще учится, чтобы стать учеником мастера, все остальные здесь».

Ци Фэн Хуа! Был ли он первенцем Дун Жо Сюэ, которого ее Шифу забрал сразу после рождения, чтобы подняться на гору? Он не возвращался в течение 18 лет, но она слышала, что когда его забирали, учитель Дун Жо Сюэ сразу предупредил, что позволит ему спуститься с горы лишь 18 лет спустя. В этом году как раз окончание 18-летнего срока, так появится ли он завтра? Это действительно заставляло людей с нетерпением ждать встречи с ним.

Если все люди из семьи Ци были здесь, то этот ленивый человек, которого она видела в тот вечер, должно быть, старший сын Ци Юня, Ци Фэн Сянь. Поговаривали, что Ци Фэн Сянь был единственным сыном семьи Ци, у которого не было никаких перспектив на будущее, его мало заботила слава и честь, он лишь предавался чувственным удовольствиям и пил днями напролёт. Но когда она увидела его на днях, Ци Фэн Сянь не казался ей таким праздным и щеголеватым человеком. Тогда почему он создал себе такой образ? Мужун Шу Цин улыбнулась. Семейю Ци определенно можно было считать крадущимся тигром, затаившимся драконом [3].

[3] идиоматическое выражение, наиболее точным смысловым переводом которого на русский будет «тихий омут» (в тихом омуте черти водятся).

Мужун Шу Цин медленно легла, сказав не отходившей от нее Лу И: «Пошли сообщение Тан Жую, чтобы он доставил выбранные мною вещи семье Ци завтра примерно в час петуха [4]».

[4] отрезок времени с 5 до 7 вечера.

- Хорошо, - ответила Лу И мягким голосом.

Мужун Шу Цин уже легла, но вдруг повернулась всем телом - завтра же юбилей бабушки! Если она не пойдет, чтобы отдать дань уважения, ей не будет оправдания. Она действительно не хотела следовать этому правилу, но ей не оставалось ничего другого, кроме как пойти. Наконец, она беспомощно сказала Лу И: «Завтра обязательно разбуди меня и заставь встать и пойти отдать дань уважения».

Глядя на ее болезненное выражение лица, Лу И сдержала улыбку, кивнула головой и сказала: «Слушаюсь».

<http://tl.rulate.ru/book/11038/1494497>